

ДИДРО О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1

Интерес ряда французских философов, публицистов, писателей XVIII в. к России и русской культуре их времени уже издавна служил предметом внимания исследователей как у нас, так и за рубежом. Тем не менее, в этом вопросе еще очень много темных мест. С сожалением приходится, например, отметить, что отношения французских писателей XVIII в. к идейным движениям современного им русского общества, к русскому художественному слову, до сих пор прояснены всего менее или не освещались почти вовсе. Место подобных изучений долгое время занято было либо тенденциозными, но детальными повествованиями о личных связях тех или иных французских писателей XVIII в. с русским двором и представителями знати, либо весьма односторонними разысканиями о том, как к творчеству этих французских писателей относились в России, в частности в тех же придворно-аристократических кругах. Зарубежные исследователи мало интересовались русской культурой XVIII в.; их — по терминологии Э. Омана — интересовала только «французская культура в России».¹ Естественно, что обратный вопрос о «русской культуре во Франции», о значении этой культуры и, в частности, русской литературы XVIII в. для французских читателей, в особенности для идейного развития большинства французских просветителей предреволюционных десятилетий, ставился редко и совершенно случайно; никаких обобщений из накапливавшихся материалов этого рода не делалось, и сами эти материалы прочно забывались. И между тем все же, постепенно, и как бы вопреки установившейся традиции, даже для зарубежных исследователей, пользовавшихся главным образом только французскими источниками, становилось все яснее, что речь может идти не только о любопытстве французских писателей XVIII в. к далекому князю их русскому государству, но именно о значении созданной в нем

¹ E. Haumant. La culture française en Russie. Paris, 1910.

культуры для идейного роста этих писателей. Типично в этом смысле самое заглавие одного из сравнительно недавних зарубежных трудов: «Россия в интеллектуальной жизни Франции XVIII века».¹ Очевидно, вопрос этот назрел сам собою в буржуазной науке и его решались ставить даже почти без всякого учета тех данных, которые собраны были в русской научной литературе или опубликованы были на русском языке. Тем естественнее внимание к этому кругу проблем советского литературоведения, которое в состоянии поставить и решить их глубже, принципиальнее, — на действительно исторической основе и с критической разработкой всего подлежащего изучению материала, — что не в состоянии сделать буржуазные исследования, бесполезные в данном случае лишь со своей фактической стороны.

В том, что эти проблемы и сейчас еще ставятся не во всей своей полноте, широте и значительности отчасти повинно и русское дореволюционное литературоведение, не только мало и плохо изучавшее русский XVIII век во всех отношениях, но и прямо грешившее явной недооценкой его литературного наследия, — самобытного, яркого, своеобразного, — далеко не «местное», национальное значение которого только сейчас становится все более очевидным. Предпринятая преимущественно в советские годы, весьма энергичная и действенная переоценка литературного наследия XVIII в., — от Кантемира и Ломоносова до Радищева, — немало содействовала также полному пересмотру интересующего нас круга проблем о всемирно-историческом значении русской литературы вообще и в частности того времени, когда в ней прочно закладывались основы, на которых выросла русская классическая литература следующего столетия. В результате такой переоценки русской литературы XVIII в., в наших суждениях о ней совершенно изменились масштабы и соотношения явлений. Поистине гигантские фигуры русских «просветителей» XVIII в., Ломоносова или Радищева, впервые начали принимать в наших глазах свои подлинные очертания и размеры и, хотя придется еще немало потрудиться, прежде чем мы сможем сказать, что критическая разработка их наследия во всех областях культурной жизни окончена, но мы и сейчас уже можем говорить об их значении для Европы их времени. В литературной системе русского XVIII в., какую она складывалась в нашем понимании еще в недавнее время, произведены были полные перемещения и резкие сдвиги фактов. Перед нами развернулась мало-помалу картина сложной общественной борьбы, отраженной и закрепленной в художественном слове, страстной полемики, оживленных литературных споров на животрепещущие тогда и на далеко не маловажные и сейчас темы; все то, что в этой старой литературе казалось когда-то мертвым, чуждым или малоценным эстетствующим историкам и критикам пред-

¹ D. E. Mohrenschildt. *Russia in the intellectual life of eighteenth century France*. New York, 1936, стр. 36—37.

революционной поры, пришло в движение, заиграло новыми красками, зазвучало вновь, как отзвуки впервые нами постигаемой реальной действительности того века. В одах Ломоносова мы сильнее почувствовали мощные национальные просветительские призывы, широкий размах культурного строительства огромного государства, стихийную силу и талантливость народных масс в драмах и комедиях Сумарокова стали впервые понятны для нас их гражданственный пафос и злободневнейшие политические намеки, в сатирической журналистике 60—70-х годов реальность классовых битв той поры, со страниц радищевского «Путешествия» повеяло на нас атмосферой будущих русских революций всемирно-исторического значения... Сами собой снимались вопросы о пресловутой «подражательности» русской литературы XVIII в. и былые разглагольствования о ее «младенчестве» и «ученических годах». О каком ученичестве могла идти речь, если,— как это все настойчивее подчеркивают советские исследователи,— русская поэзия XVIII в., например была «явлением оригинальным и национальным по своему стилю вообще и по своему творческому методу, в частности».¹ Естественно, что к своим утверждениям исследователи охотно добавляют теперь пожелания дальнейших ее изучений в том же направлении, прежде всего потому, что эта литература «требует всяческого внимания и уважения как неповторимая и своеобразная ступень в умственном и художественном развитии великого народа».¹

Тем самым и вопрос о соотношениях русской литературы XVIII в. с литературой французской того же столетия предстает теперь в совершенно новом свете. Мы начинаем понимать, что многие весьма ответственные заявления наиболее зорких и чутких французских читателей XVIII в. об успехах и значении русской литературы имели в свое время достаточные основания и вполне реальный смысл. Для нас становится очевидным, что многие французские писатели, публицисты, философы XVIII в. вовсе не случайно обращали свое внимание на движение общественной мысли в границах русской феодально-абсолютистской державы и на развитие в ней искусств и литературы: они искали в произведениях русского искусства новых импульсов и опоры в своей борьбе против собственной дряхлеющей феодальной монархии и ее общественного уклада. Все разнообразие оттенков их отношений к русской государственности и к русской культуре их времени, во всех ее социальных контрастах и противоречиях, для нас далеко не безразлично; изучение этих отношений подчеркнет историческую закономерность и классовую обусловленность их взглядов и в этом вопросе и углубит наше понимание действительного значения тех явлений русской жизни и мысли, о которых они вели речь. На фоне весьма широкого массового интереса к русской культуре во

¹ Г. Н. Поспелов. Сумароков и проблема русского классицизма. «Ученые записки» Московского Гос. университета, вып. 127, 1948, стр. 225.

¹ Там же, стр. 225.

Франции XVIII в. отчетливее и ярче проступают фигуры отдельных французских писателей, считавшихся знатоками России и в значительной степени оправдывавших такую репутацию — Вольтера, Дидро...

2

В настоящее время мы уже можем с полной определенностью и на основании весьма обильных данных утверждать, что начиная с 50—60-х годов XVIII в. Россия становилась для французских писателей одним из естественных центров их интересов, что «русская тема» в круговороте идей французского просвещения (в особенности между 60-ми и 90-ми годами) звучала все настойчивее и ярче и что, наконец, в эти же годы и русская литература привлекала к себе во Франции все большее и большее внимание самых разнообразных читателей.¹ Чем дальше развертываются наши изучения в этой области, тем становится все более ясным, что в этот век виднейшим французским писателям, в той или иной степени, по переводам и критическим статьям, были известны произведения Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и других русских поэтов и драматургов; их стихи, поэмы и драмы подвергались обсуждению и оценке во французских журналах, мемуарах, дневниках и переписке эпохи, вызывали споры и разноречивые суждения, — то похвалы, то осуждение, то выражение надежд на зреющие в России самобытные творческие силы, то предсказания относительно возможных успехов русского литературного творчества. Больше того, нам известны теперь случаи явных и сознательных подражаний французских поэтов произведениям русской музыки, — отдельные предвестия тех творческих увлечений русским художественным словом, которые со всей полнотой могли сказаться во Франции лишь столетие спустя.

Чем яснее становятся для нас очертания этой большой и сложной картины, — движения и распространения русской литературы во Франции в XVIII в., — тем естественнее и законнее наше стремление изучить эту картину во всей полноте ее подробностей, прежде чем мы сделаем уже предвидимые обобщения наших впечатлений. Между тем, затруднения встречаются исследователя в этой области буквально на каждом шагу. Дело идет здесь даже не столько об установлении правильного угла зрения, — которое, как это мы пытались показать выше, уже совершилось, и которое только и может помочь новому истолкованию фактов, обнаруженных и описанных раньше, но прежде всего именно о подборе этих фактов, вовсе не маловажных для прояснения картины в целом. Достаточно сказать, например, что французские источники XVIII в. — периодическая печать, переписка литературных деятелей и т. д. — обследованы совершенно недостаточно в отношении находящихся в них известий о русских

¹ Подробнее об этом см.: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII в. Сб. «Вольтер. Статьи и материалы», Л., 1947, стр. 13—20, 26—30.

писателях, книгах, переводах с русского языка и т. д. По многим подобным вопросам и подготовительные библиографические работы и простейшая критическая обработка фактов отсутствуют почти вовсе.

Чтобы не быть голословным, можно привести несколько примеров, имеющих косвенное отношение к предмету настоящей статьи и показывающих, с одной стороны, как много любопытных данных можно извлечь заново для истории распространения русской литературы за рубежом и, с другой стороны, как много еще остается сделать в этой действительно плохо изученной области.

Широко известен факт двукратного издания «Сатир» А. Кантемира во французском прозаическом переводе абб. О. Гваско (1749, 1750),¹ а между тем история этого интересного издания — одного из первых опытов перевода на иностранный язык крупного и цельного литературного труда русского писателя, известна еще слишком мало. Французские переводы сатир, вышедшие в свет через пять лет после смерти Кантемира, не слиты с русскими подлинниками; не определены ни степень возможного участия в создании этих переводов самого Кантемира (переводчик-итальянец не знал русского языка, указанное же издание было первым опытом его во французской литературной речи), остается совершенно неясным отношение к «сатирам» французской критики и читателей. О последнем в особенности следует пожалеть. Как уже неоднократно подчеркивалось, факт двукратного издания французского перевода этих сатир (а затем и двукратного же издания их на немецком языке) едва ли не говорит сам за себя. Недаром же еще Сумароков не без досады отмечал, что счастье Кантемира «основали» его тяжелые стихи, «славою автора не только Москву и Россию, но и всю Европу наполнившие» («О стопосложении»). В полном соответствии с этим свидетельством современника у нас обычно подчеркивают, что «имя Кантемира получило европейскую известность»,¹ что он был «первым русским поэтом, который стал жить и для Европы».²

Между тем факты, которыми можно было бы подкрепить подобные утверждения, еще подобраны плохо и явно недостаточно, иногда и с неверной ориентировкой.

Сравнительно недавно Л. В. Пумпянский в обобщающей статье мог писать следующие слова о Кантемире: «Он был первым русским писателем, который завоевал если не европейскую славу, то европейское почетное имя. Для Вольтера, для Дидро, для поколения энциклопедистов, Кантемир — хорошо известное литературное лицо и как представитель

¹ *Satyres du prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie*. Londres (12°), 432 стр. второе издание под тем же заглавием (Londres, chez Jean Nourse) вышло в 1750 г. (12°), СХLII + 245 стр.

¹ Г. А. Гуковский. Русская литература XV века, М., 1939, стр. 49.

² Д. Д. Благой. Антиох Кантемир. Известия Акад. Наук СССР, Отд. лит. и языка, т. III, 1944, вып. 4, стр. 123.

Рис. 1. Сатиры Кантемира в переводе О. Гваско (Лондон, 1749).

в Париже молодой русской культуры».³ Трудно было бы что-либо возразить по существу этой характеристики, если бы названные здесь имена французских писателей были бы выбраны более удачно и вместо Вольтера стоял бы, например, Монтескье; дело в том, что о Вольтера и, в особенности, о Дидро мы едва ли можем сказать, что им обоим был хорошо известен Кантемир как писатель; для такого утверждения у нас нет решительно никаких данных. Соображения о том, что мог знать о Кантемире Вольтер, я уже высказал в другом месте:⁴ несмотря на ранний обмен письмами с Кантемиром (не по литературному поводу), Вольтер нигде не обнаружил ни своего доброжелательного отношения к русскому поэту, ни знакомства с французским переводом его «Сатир» или с французскими стихами Кантемира. То же можно сказать и о Дидро; его знакомство с теми же «Сатирами» русского писателя еще менее вероятно: если Вольтер мог обратить внимание на «Сатиры» в особенности потому, что они содержали в себе картины общественной и частной жизни в стране, историю и нравы которой он изучал для своих трудов о России и Петре I, то у Дидро, на рубеже 40—50-х годов, не было и этих поводов, так как Россией он начал интересоваться позже. Занятый своими первыми литературно-философскими опытами, затем находившийся в заключении в Венсенском замке именно в тот период, когда в Париже должны были обсуждаться «Сатиры» Кантемира, появившиеся во французском издании, а по освобождении погруженный в хлопоты по изданию «Энциклопедии», Дидро мог пройти мимо «Сатир» и ничего не знать об их выходе в свет в Лондоне; впоследствии же, когда русские интересы Дидро укрепились, другие более новые имена русских писателей привлекли в себе его гораздо более пристальное внимание. Итак, — быть может Дидро ничего не знал о Кантемире-поэте; во всяком случае, об этом не осталось никаких следов ни в его сочинениях, ни в письмах. Если, действительно, критических статей о его «Сатирах» в переводе Гваско во французских периодических изданиях середины XVIII в. не появилось вовсе, — как это утверждает Д. Мореншильдт,¹ — то отзывы о них современников следует искать в других источниках, — в мемуарах и переписке, в неизданных документах; так именно, на основании косвенных данных, удалось установить, что Монтескье оказал непосредственное содействие выходу в свет сатир Кантемира и был также одним из первых читателей этой книги.¹

³ Л. В. Пумпянский. Кантемир. История русской литературы, т. III, изд-во АН СССР, Л., 1941, стр. 208.

⁴ М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII в., стр. 41—43.

¹ D. S. Mohrenschildt. Russia in the intellectual life of eighteenth century France, стр. 36—37.

¹ В зарубежной литературе о Кантемире установилась совершенно ошибочная, с нашей точки зрения, традиция — отрицать факт сколько-нибудь значительной близости между ним и Монтескье. «Его [Кантемира] дружба с Монтескье, быть может является только легендой, основывающейся на ошибочной интерпретации одного письма Монтескье», — пишет, например, Г. Лолинский (Le prince Antioche Cantemir —

Совершенно очевидно, что лишь дальнейшие разыскания помогут нам с полной четкостью определить действительную популярность Кантемира в кругах французских писателей первой половины XVIII в. и удельный вес его сатир во французской литературе середины этого столетия.

С еще большим правом все сказанное можно повторить также и относительно другого русского писателя, значительно лучше, чем Кантемир известного во Франции в XVIII в., — Ломоносова. К сожалению, и на этот раз сколько-нибудь полные и систематические разыскания по этому

poète français. „Revue des études slaves“, t. V, fasc. 3—4, 1925, стр. 239); ему вторит и Д. Мореншильдт: „доказательства дружбы Кантемира и Монтескье весьма скудны, в большей своей части они вымышлены“ (там же, стр. 36—37); более справедливо лишь суждение М. Эрар (M. Ehrard. Le poète Cantemir à Paris. Paris, 1938, 20.), допускающей интимную дружескую близость обоих писателей на основании передках упоминаний Кантемира в переписке Монтескье. Мореншильдт утверждает, со ссылкой на письмо Монтескье к аббату Венули от 22 июля 1749 г., что Монтескье „очевидно, имел более высокое мнение о Кантемире как дипломате, чем о писателе. Его сатиры, например, он считал неоригинальными и безжизненными (unoriginal and lifeless)“ (стр. 37). Стоит, однако, взглянуть на текст письма, на которое сделана ссылка, чтобы увидеть, как произвольно и тенденциозно оно толкуется Мореншильдтом. В указанном письме Монтескье идет речь не о Кантемире, а о друге и переводчике русского поэта, аббате Гваско. Вот что пишет Монтескье: „Бедняга прогуливает свои взоры по брошюрам, не щадит своего плохого желудка за всеми столами и губит свою слабую грудь на службе своему Кантемиру и своему Клименту V, однако это не мешает [окружающим] находить его Кантемира (son Cantemir) очень холодным, но это уже вина его сиятельства. (Montesquieu, Correspondance, publ. par F. Gebelin, Paris, vol. II, 1914, стр. 211). Цитированное место письма не отличается ясностью; повидимому, речь здесь идет о том, что Гваско читал свои переводы из Кантемира в салонах и красноречиво пропагандировал в обществе произведения любимого им русского поэта (упоминание папы Климента V, вероятно, иронически намекает на духовный сан Гваско), но в письме нет ни слова о «неоригинальности» или «безжизненности» сатир Кантемира, какими будто бы находил их Монтескье. Ясно, что добродушная ирония Монтескье направлена на Гваско, а не на Кантемира и что произведения последнего названы «очень холодными» (très froid) только по контрасту с пылкой и страстной интерпретацией их переводчиком! Наконец, следовало бы еще установить, что слова письма Монтескье о «его [Гваско] Кантемире» имеют в виду «Сатиры» и именно их печатное издание 1749 г.! Таким образом, указанное письмо Монтескье не дает нам никаких оснований считать, будто бы отношение его к «Сатирам» было отрицательным. Напротив того, участие Монтескье в замысле и осуществлении их издания может свидетельствовать об обратном. Об этом названные выше зарубежные исследователи предпочитают умалчивать, а между тем в русской литературе давно уже твердо установлено, что если инициатором французского издания «Сатир» была герцогиня д'Эгйон, поэтесса и переводчица, приятельница и Кантемира и Монтескье, то издателя для этого перевода нашел именно Монтескье, через посредство Демоле. Уведомляя Гваско, что такой издатель нашелся, Монтескье прибавлял характерное суждение некоего издателя, переданное ему Демоле, библиотекарем и также издателем разных сочинений: издатель говорил, что рукопись Сатир будет издана, «потому что в сбыте того, что носит название сатир, можно быть уверенным». Издание это осуществлено было в Лондоне, чему помогли, вероятно, английские связи Монтескье (В. Н. Александренко. К биографии кн. Кантемира. «Варшавские университетские известия», II, 1896, стр. 10—13).

поводу отсутствуют почти вовсе. Небольшая библиографическая справка о Ломоносове во французской литературе, давно уже составленная А. Мартеном¹ и остающаяся незамененной и донныне, не дает почти никаких указаний именно по XVIII веку: обзор начинается здесь с двух упоминаний Ломоносова во французской дипломатической переписке (1764 и 1772 гг.), причем хотя второе из этих упоминаний имеет в виду печатный «Discours sur la poésie russe», но составитель обзора этого издания не знал и никак не разъяснил цитируемую им ссылку на этот «Discours» в неизданном документе;² далее следует указание на «Историю России» Левека (1782), где о Ломоносове говорится уже довольно много. Все предшествующие 80-м годам данные о Ломоносове во французской литературе остались А. Мартену полностью не известны.

Хотя сочинения Ломоносова во французских переводах действительно немногочисленны, но все они обратили на себя внимание и служили предметом обсуждения во французской печати. Так, в 1769 г. отдельным изданием вышла «Русская история» Ломоносова в переводе Эйду.¹ Несмотря на очевидные недостатки этого перевода, сделанного не с русского оригинала, а с немецкого, также далеко не совершенного перевода (Гольдбаха или Штелина), книга выдержала во Франции три издания (1769, 1773, 1776) и с похвалой отмечена была в ряде французских журналов: в «Mémoires de Trévoux» (декабрь 1769 г.), в «Journal Encyclopédique» (т. CXII, декабрь 1769 г.). Известно далее, что заметку об этом издании написал Дидро, в числе других восьми небольших статей, предназначавшихся для «Correspondance Littéraire» Гримма; хотя эта заметка, оставшаяся ненапечатанной в свое время, опубликована была в 1876 г.,² но на русский язык она не переводилась и исследователям Ломоносова не известна. Дидро писал по поводу этой книги Ломоносова: «Я ничего не могу сказать о русском подлиннике и о немецком переводе, который мне не известен, но французский перевод очень зауражен: мало силы и никакого изящества». Далее Дидро указывает, что вторая часть представляла бы для него больший интерес, чем первая, посвященная древнейшим вре-

¹ «Выставка: Ломоносов и елизаветинское время», т. VII, Пгр., 1915, стр. 190—203.

² Полное разъяснение по этому поводу мы находим у П. Н. Беркова: речь идет о статье М. М. Хераскова, приложенной к французскому переводу его поэмы «Чесмский бой», изданному в Петербурге в 1772 г.; экземпляр этого издания был препровожден тогдашним французским послом в Париж, в Министерство иностранных дел, в архиве которого, в отделе „Correspondance de Russie“ оно хранится до сих пор (Изучение русской литературы Франции. «Литературное наследство», 1939, № 33—34, стр. 726).

¹ M. Lomonosoff. Histoire de la Russie, depuis l'origine de la nation russe jusqu'à la mort du Grand Duc Jaroslaws [sic]. Traduite de l'allemand par M. E. XXX [Eidous]. Paris et Dijon, 1769; 2-е изд., Paris, 1773; 3-е изд., 1776. Ср.: Catalogue de la Section des Russica, t. I. St. Petersbourg, 1873, N 1123—1130.

² Diderot, Oeuvres complètes, ed. J. Assezat, vol. XVII, стр. 495—496.

менам; кроме того, Ломоносов-писатель оказался ему «несколько педантичным» (*un peu superstitieux*): он приводит речи христианского философа, обращенные к Владимиру, как если бы он слышал их собственными ушами». В общей сумме сведений, которыми, как увидим дальше, Дидро располагал о Ломоносове, эта его забытая заметка представляет несомненный интерес. Не лишено интереса для нас и другое обстоятельство: Дидро хорошо знал французского переводчика этой книги. Эйду, инженер по образованию, давно уже занимался преимущественно литературными трудами; он был одним из первых сотрудников «Энциклопедии»; приятельские отношения Дидро с Эйду начались, однако, еще с 40-х годов; именно в сотрудничестве с ним и Туссеном Дидро перевел с английского «Всеобщий медицинский словарь».¹

Очевидно, Эйду сам доставил Дидро свой перевод труда Ломоносова и едва ли не сообщил при этом, почему он выбрал его для издания на французском языке и что он знает об авторе. Впрочем, в 60-е годы XVIII в. имя Ломоносова (как, впрочем, и имена Сумарокова и других русских писателей) уже попадалось во французских журналах самых разнообразных направлений. Так, например, в журнале Э. Фрерона «L'Année littéraire» (1760). в большой статье о современном состоянии и приводились отрывки из его од во французском переводе, с просьбой русской литературы много говорилось «о творческом таланте» Ломоносова к читателям не судить слишком строго «подлинник по слабой копии», ввиду «невозможности подражать великолепию поэта».¹ О Ломоносове идет также речь в апрельском номере, «Journal Encyclopédique» за 1765 г. Poleмическая статья Ломоносова «О должности журналистов в изложении ими сочинений, назначенных для поддержания свободы рассуждения» во французском переводе появилась в «Nouvelle bibliothèque Germanique» Формея еще в 1755 г.² К 60-м годам относится также давно уже известный и французский поэтический плагиат Лемьера из Ломоносова, история которого хорошо разъяснена и о котором, кстати сказать, также нет никакого упоминания в библиографическом указателе А. Мартена.¹

¹ Joseph le Gas. Diderot et l'encyclopédie, Amrens, 1928, стр. 13, 41. В «Истории французской литературы» (изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1946, стр. 727) Эйду почему-то именуется Эйдесом.

¹ Впервые указал на эту интересную статью и подробно проанализировал ее П. Н. Берков в книге «XVIII век. Сборник статей и материалов» (Л., 1935, стр. 351—366) и в своем исследовании «Ломоносов и литературная полемика его времени» (Л., 1936, стр. 251—252, 262—267).

² А. А. Куник. Сборник материалов для истории Имп. Академии Наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 509—510, 519—530.

¹ Напомним, что поэт-драматург Антуан Лемьер (1723—1793) в парижском «Альманахе муз» 1766 г. поместил под своим именем стихотворение «Восход солнца», оказавшееся довольно близким подражанием «Утреннему размышлению» Ломоносова, точнее его прозаическому французскому переводу 1765 г. Этот плагиат был раскрыт во Франции Лагарпом в письме к Ж. Лаломбу, автору «Histoire des révolutions de

Известно далее, что еще при жизни Ломоносова, в 1759 г., был издан французский перевод его «Слова похвального... Петру Великому».² Хотя перевод этот вышел в свет в С.-Петербурге, против желания Ломоносова и, по его мнению, исполнен был «очень плохо»,³ но издание получило некоторое распространение во Франции, прежде всего среди писателей: книга была послана Вольтеру, который не замедлил откликнуться на это интересным письмом с отзывом об этом произведении Ломоносова.¹ Не только знал, но и обильно цитировал этот панегирик другой французский писатель, Антуан-Леонар Тома (Thomas, 1732—1785),⁴ которого зарубежные исследователи недаром считают восторженным ценителем Ломоносова. В своем «Опыте о похвальных словах» (1773), трактате по истории жанра панегирика от древности и до его времени, Тома упоминает и Ломоносова — «самобытного писателя своей страны, который более других прославлял свою нацию», и его «Слово» Петру I «на русском языке», отличающееся «подлинным и благородным красноречием» и «заслуживающее того, чтобы его знали»; следует подробное изложение этого произведения с обильными цитатами. Тома пользуется французским переводом панегирика Ломоносова 1759 г., но не исключена возможность, что он знакомился также с русским языком и видел подлинник.² Во всяком случае, Тома знал и другие сочинения Ломоносова и всю

«Empire de Russie» (1760). Лагарп писал, что он взял на себя поручение «ради чести русской поэзии» протестовать против того, что в «Альманахе муз» напечатано «подражание одному стихотворению покойного Ломоносова под именем Лемьера, без малейшего указания на автора оригинала». Это разъяснение Лагарпа вошла в т. VI его «Сочинений» (Oeuvres t. VI, Paris, 1782, стр. 108) и несомненно было замечено: когда «Восход солнца» Лемьера в 1782 г. был перепечатан в его сборнике «Pièces fugitives», то это стихотворение было уже здесь названо «вольным подражанием русскому поэту» («Литературное наследство», 1937, № 29—30, стр. 210; А. А. Куник. Сборник материалов..., ч. I, стр. 215, 217—219). В названном выше библиографическом перечне А. Мартена не отмечено ни «подражание» Лемьера на «Письмо» Лагарпа, хотя последнее в русском переводе Степана Порошина напечатано еще в 1800 г., притом с совершенно определенной целью: указать, что литература наша издавна известна в чужих краях» (Письмо де ла Гарпа к Лакомбу о Ломоносове: «Утренняя заря». Труды воспитанников университетского благородного пансиона, кн. I, М., 1880, стр. 72—81).

² Pan-gyrique de Pierre le Grand prononcé dans la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26 avril 1755. Traduit sur l'original russe par le Baron de Tschoudy. St. Pétersbourg [1755]. «Catal. de la sect. des Russes», I, N 1120.

³ П. Пекарский. История Академии Наук, т. II, стр. 579. — Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова, Л., 1937, стр. 267.

¹ Письмо к И. И. Шувалову от 18 (7) сентября 1759 г. См. его русский перевод: «Письма г. Вольтера к графу [iis:] Шувалову и некоторым другим российским вельможам». Перев. Н. Левицкого, М., 1808, стр. 39—40.

² «Тома, — замечает Мореншильдт, — восторженно относился к Ломоносову («was especially enthusiastic about Lomonosov»), произведения которого он вероятно читал очень тщательно» (ук. соч., стр. 278), по мнению Мореншильдта, — в немецких переводах; однако в таком предположении нет никакой нужды, поскольку, например,

свою жизнь трудился над огромной эпической поэмой о царе Петре, которая, однако, же, так и осталась им не завершенной. Отметим, что в числе друзей Тома — писателя, пользовавшегося в свое время значительной известностью и близкого к энциклопедистам по своим общественно-политическим взглядам (он был, между прочим, автором поэмы об «общественном долге») — был и Дидро, еще до его поездки в Петербург. Дидро неоднократно обсуждал с Тома как план его «русской» поэмы, так и читанные ему отрывки из ее первых песен, источники, с помощью которых она должна была быть создана.¹ Возможно, что от этого французского поклонника Ломоносова Дидро слышал и о русском поэте; не подлежит, впрочем, сомнению, что к Ломоносову тянутся нити также от многих других «Петриад» французских поэтов XVIII в.; изучение этих поэм, вероятно, подтвердило бы еще более довольно широкое знакомство с произведениями Ломоносова во Франции в это время.

Приведенные примеры слабой изученности вопроса о знакомстве с произведениями отдельных русских писателей во Франции в XVIII в. очень показательны и их нетрудно было бы увеличить, но такова может быть задача особой работы, выходящей за пределы настоящей статьи. Тем не менее, пользуясь уже собранными данными, в настоящее время уже можно было бы, в общих чертах, составить себе представление о действительной широте знакомства с русской литературой во Франции в указанное время. Помимо Кантемира и Ломоносова довольно много знали здесь и Сумарокова; во французских журналах нашлись интересные суждения о произведениях Сумарокова, по поводу нескольких французских переводов его пьес, появившихся с 1751 г.¹ До французских читателей доводились известия даже о второстепенных явлениях русской литературы. Так, в журнале «Gazette Universelle de littérature» — 1770 г. П. Н. Берков обнаружил интересную рецензию на шедшую в то время с большим успехом в Петербурге, но не сохранившуюся пьесу В. И. Бибикова «Лихоимец». Французский критик хвалит эту комедию, в которой, по его словам «изображается корыстный судья, берущий деньги

цитаты из панегирика Петру Ломоносова даются Тома в переводе бар. Чуди, Мореншильдту не известно. Интересно, что в том же своем «Опыте о похвальных словах» Тома говорит и о русском языке, называя его «после итальянского самым нежным языком Европы», отдает должное «гибкому и легкому уму русских» и предсказывает «искусствам» в России большое будущее (A. Thomas Oeuvres, Amsterdam et Paris, 1773 vol II, стр. 370—376). Еще в 1760 г. Тома едва не уехал в Россию, куда влекли его интересы к ее культуре („Revue d'Histoire Littéraire de la France“, 1917, стр. 126—127).

¹ Diderot, Oeuvres, ed. J. Assezat, t. XVIII, стр. 103. Дидро хотя и одобрял сюжет этой поэмы, но сомневался в успешности претворения в стихи столь обширного замысла и об этих своих сомнениях писал фальконету в феврале 1766 г. („Revue d'Histoire Littéraire de la France“, 1919, стр. 625—626).

¹ Подробнее см. об этом в статье П. Н. Беркова: «Изучение русской литературы во Франции», «Литературное наследство», 1939, № 33—34, стр. 724—727.

у несчастных бедняков, обращающихся к нему за защитой от несправедливостей» и находит, что она «исполнена остроумия».²

Таким образом, еще до 70-х годов XVIII в. прилежный французский читатель, не знавший русского языка, на основании только лишь тех данных, которые он мог найти во французских книгах и периодической печати уже мог составить себе некоторое представление о русской литературе. Читатель из писательской среды, читатель, владевший пером и имевший литературные связи, мог знать обо всем этом значительно больше. К печатным известиям прибавлялись устные данные, собранные через посредство путешественников. Но в особенности много о русской литературе должны были знать те французские писатели, которые вели постоянную литературную корреспонденцию с Россией или даже сами побывали в этой стране. К таким именно писателям в первую очередь относится Дени Дидро (1713—1784), один из наиболее передовых буржуазных деятелей предреволюционной Франции и один из ее великих борцов с феодально-абсолютистским режимом за дело грядущей революции, который, по словам Энгельса, «посвятил всю свою жизнь служению „истине и праву“ (в хорошем смысле этих слов)».¹ Его отношение к русской литературе и искусству его времени не может не представлять для нас совершенно особого интереса потому, что речь идет об одном из наиболее просвещенных, прозорливых и прогрессивных, французских критиков и мыслителей XVIII в. и, в особенности потому, что он имел возможность посетить Россию и глубже многих других французских путешественников вникнуть в самую суть совершавшихся в ней культурных процессов. Недаром даже зарубежные исследователи, не грешащие слишком восторженным отношением к этому философу, вольнодумцу и атеисту, иногда говорят о Дидро, что он «был, вероятно, единственным среди философов XVIII столетия, который мог лучше других понять (came nearest to understanding) русский ум».¹ Такое заявление представится нам заслуживающим внимания, в особенности если мы вспомним, что речь идет о том французском мыслителе, которого Ленин причислял к «Великим материалистам», считая, что он «вплотную» подошел «к взгляду современного материализма».²

История поездки Дидро в Петербург была рассказана много раз. Известно, что одним из главных инициаторов этого путешествия, немало удивившего друзей Дидро, был Д. Голицын (тот самый, на средства которого был издан в Гааге в 1772 г. предсмертный труд Гельвеция «О чело-

¹ П. Н. Берков. «Лихоимец», комедия В. И. Бибикова. «XVIII век. Сборник статей и материалов», Л., 1936, стр. 370—376.

² Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 654.

¹ D. Mohrenschildt, ук. соч., стр. 83.

² Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Сочинения, т. XIII, стр. 28.

веке») и что Дидро влекло в далекую северную страну не только любопытство, но и некоторые практические цели, в частности поднимавшийся в то время вопрос о возможном втором издании «Энциклопедии» на счет русского правительства.¹ Следы интереса Дидро к России до его поездки в Петербург, интереса, который Дидро разделял со многими своими современниками и соотечественниками, уже были отмечены нами выше: таковы заметка о «Русской истории» Ломоносова 1769 г., еще ранее — беседы с А. Тома о его «Петриаде», не лишним может быть будет напомнить также о том, что когда в 1765 г. в парижском «Салоне» молодой французский художник Лепренс, вернувшийся из путешествия по России, выставил на суд французской публики четырнадцать картин на темы из русской, преимущественно крестьянской, жизни, его приветствовал именно Дидро.² Не подлежит также сомнению, что еще до своей поездки Дидро, кроме Д. Голицына и Е. Р. Дашковой (знакомство и переписка с которой Дидро также хорошо известна), имел также много других русских друзей и знакомых¹ и что эти дружеские связи еще более укрепили его решение совершить длинный путь.

Дидро пробыл в Петербурге около пяти месяцев, с сентября 1773 г.² до 5 марта (нового стиля) 1774 г. Для умного и внимательного путешественника это был немалый срок. В это время он всецело погрузился в изучение России, пользуясь для этого разнообразными возможностями, а не только беседуя или обмениваясь любезностями с Екатериной II, — какое впечатление невольно создавалось ранее благодаря обилию работ об их взаимоотношениях.

Собрание сочинений Дидро, редактированное Ж. Ассеза еще в 70-х годах XIX в., в котором немало его сочинений напечатано по копиям, снятым

¹ В. Бильбасов. Дидро в Петербурге. СПб., 1884, стр. 94.

² Diderot. Oeuvres complètes, ed I. Assezat, vol. X, стр. 383. В русском переводе «Салон» Дидро отзыв его о работах Лепренса, к сожалению, сильно сокращен (Дидро, Собрание сочинений, т. VI, М., 1946, стр. 183—184); стоило бы отметить, что Лепренсу (1734—1781) принадлежит около 150 картин, гравюр и рисунков на русские темы и что, в частности, именно он был иллюстратором знаменитой книги Шаппа д'Отроша о России (1768), возбудившей такую ненависть Екатерины II за его разоблачения изнанки российского деспотизма; Лепренс не изображал на своих полотнах и рисунках ни помещичьего быта в России, ни картин городской жизни: мы встречаем у него преимущественно крестьянские избы, сцены в кабачках, скромные сельские пейзажи. См.: Н. В. Соловьев. Французские траверсы XVIII в. «Русский библиофил», 1911, № 2, стр. 10—12; Л. Рео. «Русские картины» Лепренса. «Старые годы», 1914, май, стр. 37—39.

¹ В 1772 г. Дидро писал о большом количестве русских путешественников, появившихся в Париже (Lettres inédites de Diderot a Falconet. „Revue Moderne“, lov. 1867, стр. 323), число которых в следующем году, по его же свидетельству, еще более возросло (там же, стр. 325). В 1772 г. молодой В. Орлов, будущий директор Академии, прожил в Париже три недели: «в это время, — сообщает он сам, — посещал много раз Дидерота» (Биографический очерк В. Г. Орлова, т. I, СПб., 1878, стр. 255).

² Diderot. Correspondance inédite. Publ. par A. Bibelon, vol. II, Paris, 1931, стр. 240—245 (Письмо Дидро к жене о первых петербургских впечатлениях).

в Петербурге с подлинных рукописей Дидро (хранящихся здесь и донине), книги В. Бильбасова (1884), М. Турнё (1899) и других ввели в научный оборот большое количество данных о пребывании Дидро в Петербурге. Тем не менее публикации вновь найденных материалов о путешествии Дидро, в первую очередь писем,³ продолжались почти непрерывно вплоть до наших дней¹ и значительно пополнили наши сведения о петербургском периоде его жизни. Последнюю, наиболее подробную сводку всех этих весьма обширных данных мы находим в заключительном десятом томе «Собрания сочинений» Дидро в русском переводе появившемся в 1947 г. Здесь объединены (хотя и далеко не полностью) произведения Дидро на русские темы с комментариями к ним П. И. Люблинского и вступительной статьей А. И. Молока «Дидро о России»,² в которой автор справедливо подчеркивает, что «связи Дидро с Россией — важная страница не только в личной и литературной биографии великого французского мыслителя, но и в истории культуры и общественной мысли Европы».³

Из всех как прежде, так и в недавнее время опубликованных документальных данных о пятимесячном пребывании Дидро в Петербурге явствует, что страну, гостеприимством которой он пользовался, он стал изучать с великим рвением и со все возрастающим любопытством. Трудно сказать, чем Дидро интересовался более, живя в Петербурге: в его многочисленных «записках» и «вопросах», в письменном виде предложенных им и директору канцелярии таможенных сборов и Академии Наук и которыми он, как известно, столь часто досаждал Екатерине II, вероятно, далеко не полностью отражены действительно «энциклопедическая» широта его интересов, сила его внимания и любопытства, его заинтересованность

³ Письма Дидро из Петербурга П. Ледье опубликовал впервые лишь в 1928 г. в «Revue des vivants» возможно, что некоторые из этих именно писем почти за столет до их напечатания уже были известны у нас по копиям. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 16 апреля 1837 г.: «Посылаю тебе письмо Дидро к жене о Петербурге и Екатерине II» (Остафьевский архив, т. IV, стр. 6).

¹ Отметим, например, что в 1920 г. опубликованы были комментарии Дидро к «Наказу» Екатерины II, до тех пор известные лишь в отрывках (P. Ledieu. Nne oeuvre dite de Diderot, «Revue d'histoire économique et sociale», 1920, № 3—4).

² Дени Дидро, Собрание сочинений, т. X, Rossica. Произведения, относящиеся к России. Перев., прим. и ввводные очерки П. И. Люблинского, ред. и вступит. статья А. И. Молока, ГИХЛ, М.—Л., 1947. Однако уже и после выхода в свет этого тома напечатаны были некоторые новонайденные документы, например письмо Дидро с ответом петербургской Академии, по случаю его избрания ее иностранным членом, а также интересная записка с вопросами Дидро к Академии Наук, им самим оглашенная на заседании Академии 1 ноября 1773 г. См.: М. В. Крутикова и А. М. Черников. Дидро в Академии Наук. «Вестник Академии Наук СССР», 1947, № 6, стр. 64—73. В названном десятом томе русского собрания сочинений Дидро эта записка упоминается (стр. 386) еще как неразысканная и неопубликованная. См. еще: Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века. Научное описание. Сост. И. И. Люблинко. «Труды архива АН СССР», вып. 2, Л., 1937, стр. 442—443.

³ Дени Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 38.

в получении исчерпывающих сведений. В письме из Петербурга (от 24 декабря 1773 г.) Дидро писал Е. Р. Дашковой: «Я учусь здесь всему, чему могу учиться. И для этого есть два пути: первый состоит в том, чтобы спрашивать у других, чего мы сами не знаем, и спрашивать именно у тех, кто знает дело, — таким образом мы можем напасть на истину; другой путь — выбрасывать из своей головы всякую засевшую там нелепость». Следует сказать, что последнее Дидро делал честно и без колебаний, не в пример многим другим своим соплеменникам как его, так и последующего времени.

Дидро интересовался и отправлением правосудия в России, и комиссией по составлению законов, и всеми публичными учреждениями в русском государстве, и торговлей, и ростовщичеством, и воспитанием обоих полов, и прокладкой улиц, и горно-рудным делом, и литейными заводами, и очень многим другим... Достаточно проглядеть хотя бы «Вопросы Дидро, относящиеся к социальному и экономическому состоянию Российской империи и ответы на них»,¹ чтобы видеть, что Дидро не пропустил действительно ни одного сколько-нибудь важного вопроса для лучшего уразумения общей государственной системы России и ее общественной структуры. Для своего познания русской культуры XVIII в. Дидро заложил основательный и вполне «материальный» фундамент. Но Дидро был не только философ и ученый-энциклопедист, он был также первоклассным писателем-художником, для которого интересы искусства значили несколько не меньше, чем научные истины.

Обилие и разнообразие тех уголков народной жизни в России, государственной или частной, куда хотел проникнуть его любопытствующий и зоркий взгляд, не препятствовали Дидро сосредоточить свое внимание в особенности на тех областях, которые представляли для него привычный, «профессиональный» интерес. Вопросы искусства, в их широком понимании и применении были для него именно такой излюбленной областью его исследований, размышлений и мечтаний. Вот почему, изучая общественные классы в России в их взаимоотношениях с государственной властью и друг с другом, Дидро не мог не интересоваться также положением искусства в России и его общественными функциями; ведь, с его точки зрения, заявленной много раз и, в том числе в одной из записок Екатерине II, одним из признаков культуры в любой стране является наличие в ней «поэтов, скульптуров, художников, ораторов...».¹ Во многих других его они не посвящались, мы нередко между строк чувствуем его особое, усиленное любопытство к проблемам искусства: рассуждая, например, о появлении нового русского «кодекса законов», Дидро мечтает, как было бы хорошо, если бы удалось показать на сцене «важнейшие преимущества»

¹ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 383—408.

¹ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 99.

«записках», «мемориалах» и «проектах», относящихся к России, чему бы

этих законов;² говоря о недостатках общественной жизни, он задумывается над тем, сколь желательным было бы «привлечь художников к борьбе против дурных нравов» и продолжает: «Где, в каком уголке земли задумывались над тем, чтобы направить развитие искусств к полезной и справедливой цели?»¹

Отрицательные примеры из истории западноевропейского искусства, иллюстрирующие эту мысль, показывают, что своим наставлением Дидро хотел бы внушить возможность добиться в России совершенно иных результатов: «первый же подвиг, совершенный русским, кем бы он ни был по своему состоянию, — пишет Дидро в той же записке, — я велел бы изобразить при помощи кисти или резца, либо воспеть с кафедры или на театре...»² В одной из поэтических фантазий Дидро «гений Франции» («некто величественный, простой, благородный и грустный») обращается к Петру I на его пути из Франции, задает ему целый ряд вопросов, чтобы узнать, все ли он видел в этой стране в истинном свете; характер этих вопросов и самая последовательность их очень интересны как своего рода программа изучения чужой страны для далекого пришельца; в известной степени Дидро и сам следовал подобной программе, изучая Россию; характерно поэтому, что искусство чужой страны стоит на первом месте как первая ступень к ознакомлению с ее культурным обликом: «Ты видел мой народ. Ты возвращаешься от него, полный впечатлений, ты видел его постройки, его искусство, его науки...»³

Возвращаясь из России на родину, Дидро также мог сказать о себе, что он, насколько это было в его силах, постарался изучить русское искусство — поэзию и драматургию в том числе. Что он думал о них? Какие вывез с собой впечатления? Сколько знаем, этот вопрос еще не подвергался специальному изучению.¹ Правда, препятствием к этому служили разрозненность и малочисленность сведений, которые могли бы содействовать его разрешению. Однако в числе сравнительно недавних публикаций биографических материалов о Дидро, в одном малодоступном издании был напечатан документ, имеющий, как нам кажется, весьма существенное значение для поставленных выше вопросов, хотя он и нуждается еще как в дополнительных разысканиях, так и в особом критическом анализе.

В 1932 г. библиотечарь Парижской национальной библиотеки Ж. Порше опубликовал небольшую информационную заметку «Русские книги Дидерота в Париже»,¹ представляющую значительный интерес для

² Там же, стр. 135.

¹ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 136.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 207.

¹ Несколько незначительных соображений по этому поводу мы встречаем лишь в книге: Henri Tronchon. Romantisme et préromantisme. Paris, 1930, стр. 275—276 (статья „Un préromantique français chez les Russes: Diderot“).

¹ „Временник общества друзей русской книги“ (Société des amis du livre russe) III. Париж, 1932, стр. 132—138.

определения круга познаний Дидро в современной ему русской литературе. В архиве Национальной библиотеки Ж. Порше обнаружил список русских книг, вывезенных Дидро из Петербурга, которые он, вскоре по своем возвращении в Париж (6 марта 1775 г.) предложил купить Королевской (ныне Национальной) библиотеке. Очевидно, — предполагает Ж. Порше, — Дидро, нуждаясь в деньгах, решил продать вывезенное им из России собрание книг, главным образом на русском языке, так как они в то время были ему не очень нужны, но по своей редкости, могли представить интерес для крупнейшего французского книгохранилища. Расчет Дидро оправдался; продажа состоялась в мае 1775 г.; Дидро дали хорошую цену за предложенные книги — 900 ливров, и это неудивительно, если вспомнить, с каким интересом в Париже слушали Дидро по приезде из России и рассматривали все, что он привез с собою;² вероятно, до того, как указанные книги были проданы в Королевскую библиотеку, немало французских литераторов осматривали их в парижском кабинете Дидро.

Реестр этих книг, составленный Дидро собственноручно, имеет заглавие «Перечень русских книг, которые Дидро предлагает Королевской библиотеке» и распределен по следующим семи рубрикам: «Грамматика», «Художественная литература» («Belles Lettres»), «Политика», «Гражданское и военное управление», «Религия», «География» и «Рукописи».¹

На документе имеется ряд свидетельств: хранителя библиотеки Биньона, секретаря — Мартена, хранителей печатных книг — Капперонье и Дезоне (отметившего, между прочим, что проданные книги поступили в библиотеку 4 июля 1775 г.) и расписка самого Дидро:

«Свидетельствую получение от аббата Мартена суммы в 900 ливров, определенной мне г. Капперонье за русские книги, означенные в настоящей записке. Дидро, 2 мая 1775 г.».

На основании этого документа Ж. Порше предположил, что вся эта коллекция и донныне должна находиться среди книг Национальной библиотеки, и предпринял их поиски, представлявшие, впрочем, некоторые трудности. Дело в том, что проданные Дидро книги были распределены по разным отделам библиотеки (как это, кстати сказать, случилось и с книгами Дидро, проданными Екатерине II и находящимися в Гос. Публичной библиотеке в г. Ленинграде). «Приходилось отыскивать их поодиночке, пользуясь каталогами и старыми реестрами, а так как заглавие их сохранилось во многих случаях только в виде очень вольного французского перевода, то найти их было очень трудно», — пишет Ж. Порше и замечает далее: «Есть основания полагать, что на большинстве томов он [Дидро] написал перед титульным листом заглавие по-французски и листы с руко-

² Сошлемся хотя бы на свидетельство А. Тома в письме к Барту 19 июня 1774 г. (*Revue d'Histoire Littéraire de la France*, 1928, стр. 495).

¹ Рукописи эти для нас в данном случае особого интереса не представляют, так как все они — не русские («Житие св. Женеьевы», итальянский музыкальный учебник Бульончини и китайский медицинский трактат).

Рис. 2. «Перечень русских книг, которые Дидро предлагает Королевской библиотеке»
(последняя страница, с распиской Дидро от 2 мая 1775 г.).

писным французским заглавием оказались оторванными». Тем не менее Ж. Порше удалось найти большинство из этих книг — 44 из 53, означенных в списке. В своей статье Ж. Порше и дает библиографическое описание этих 44 названий, сопровождая их указанием на библиотечный шифр их в настоящее время.

Даже простой перечень этих книг представляет немалый для нас интерес: перед нами безусловно хороший и тщательно составленный подбор сочинений по русскому языку, литературе, истории, праву, государственному, военному делу и т. д. Но особенно любопытно то, что более половины этих книг относятся к художественной литературе; это наиболее богатый отдел собрания, заключающий в себе немало действительно ценных произведений русской литературы в изданиях главным образом конца 60-х — начала 70-х годов, которые можно было достать в тогдашнем Петербурге. Книжки по этому отделу сам Дидро расположил в своем списке по русским писателям и отчасти по содержанию их (сначала названы литературные произведения, затем несколько критических о них сочинений); известный интерес представляет для нас даже самый порядок, в котором перечислены Дидро русские писатели. Приводим важнейшую часть списка Дидро по этому отделу в подлиннике и в русском переводе.

Les oeuvres de Lomonosoff

Ses poésies.
Sa grammaire.
Sa rethorique [sic!]
Sa metallurgie.

Le panégyrique de Pierre Ier.
5 vol. in 8° broché.

Les oeuvres de Soumarokoff

Ses comédies.
Ses tragédies.
Ses fables.
et autres ouvrages
5 vol. in 8° broch.

Les oeuvres de Meykoff [sic!]

L'elisée [sic!], poème.
Les odes

Les odes philosophiques.

Comédie et tragédies.
4 vol. in 12°. Deux. rel., deux broch.

Les oeuvres de Heratzkoff

Le combat de Tchesma
Les odes.
Le poème de Numa
6 parties, 5 vol. broch. un rel. in 12.

Les oeuvres de Tediakousky [sic!]

1 vol. in 12 relié

Quatre comédies de Catherine 2-e. Imp. regnante. Broch.
Essai historique sur les auteurs et traducteurs russes, jusqu'en 1773.

Перевод

Творения Ломоносова

Его стихотворения
Его грамматика
Его реторика
Его металлургия
Панегирик Петру I
5 книг 8°, брошюр.

Творения Сумарокова

Его комедии
Его трагедии
Его басни
и другие произведения.
5 книг 8°, брошюр.

Творения Майкова

Елисей, поэма.
Оды.
Философские оды.
Комедии и трагедии.
4 книги 12°. Две в переплетах,
две — брошюр.

Творения Хераскова

Чесмесский бой.
Оды.
Поэма о Нуме.
Трагедии.
6 частей. 5 книг, брошюр., одна — в перепл. 12°

Творения Тредиаковского

1 кн. 12°, в перепл.
Четыре комедии Екатерины II. В имп. типографии. Брош.
Исторический опыт о русских писателях и переводчиках
вплоть до 1773 г.

Внимательное изучение всего этого списка, библиографически уточняющее все его недостаточно ясные указания, может привести, как нам кажется, к очень существенным результатам, в особенности если мы сопоставим их с рядом отзывов Дидро о некоторых из перечисленных им сочинений.

Особый интерес собранию русских книг Дидро, прежде всего, придает то обстоятельство, что они вовсе не являлись для него коллекцией иноязычных книжных образцов. Это было собрание, подчиненное тому плану серьезного и вдумчивого изучения русской культуры, которое Дидро составил себе, живя в Петербурге. Уже то, что Дидро сумел сделать толковую опись этих книг, свидетельствует, что он знал об их содержании, мог прочесть и перевести (хотя и не всегда точно) их заглавия. Еще более важно для нас то, — как свидетельствуют самые книги, разысканные Ж. Порше. — что Дидро, приобретая эти книги в Петербурге или получая в подарок

от друзей, несомненно читал некоторые из них в русских подлинниках. Если Дидро в момент своего прибытия в Россию не знал ни слова по-русски, как это можно заключить из его собственного признания в письме к жене,¹ то, живя в Петербурге в течение пяти месяцев, он делал попытки изучать русский язык и в процессе этого изучения знакомился с русскими книгами, до сих пор сохраняющимися на своих полях его пометы, переводы отдельных слов и прочие следы его работы над ними. К сожалению, Порше ограничивается лишь указанием на эти пометы, но не приводит самых маргиналий.

Список книг, составленный Дидро, недаром открывается отделом «Грамматики»: как и для самого Дидро этот отдел являлся своего рода «ключом» ко всему собранию: это практически ценный подбор пособий для основательного изучения русского языка и письма, коллекция изданий, заключающая в себе едва ли не лучшее из того, что для подобной цели могло быть собрано иностранцами в начале 70-х годов XVIII в.

Мы находим здесь, прежде всего, азбуку и прописи¹ (последние сохранились не полностью), далее — знаменитый учебник русского языка для французов Шарпантье, изданный в Петербурге в 1768 г. и сохранивший свое практическое значение до конца XVIII в.;² далее в списке названы также: первый печатный (и очень объемистый — свыше двух тысяч страниц) французско-русский словарь 1764 г. или «Новый вояжиров лексикон» (как называлась его вторая часть) Сергея Волчкова;³ учебник французского языка для русских, с приложением реестра по алфавиту русских слов⁴ и, наконец, новейший, вышедший в Петербурге в момент пребывания там Дидро «Опыт нового российского правописания» Василья Светова,⁵ на обложке которого Дидро написал: «Essai sur l'orthographe», здесь же находится, наконец, и «Российская грамматика» Ломоносова в издании 1755 г.

Учебник Шарпантье носит на себе явные следы работы над ним Дидро. По описанию Ж. Порше, на полях этой книги сделаны «пометки карандашом и чернилами, главным образом в конце книги, где приводятся

¹ „Revue des vivants“, 1923, май, стр. 933.

² Это издание определить не удалось по отсутствию в нем заглавного листа; возможно, что это «Азбука российская для письма или пропись» изд. 1770 г. (В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ред. В. Н. Рогожина, СПб., 1904, ч. II, № 1858).

³ *Elemens de la langue russe ou methode courte et facile pour apprendre cette langue conformement à l'usage.* СПб., 1768. См. об этой книге: И. И. Балицкий. Материалы для истории славянского языкознания. Киев, 1876.

⁴ С. К. Булич. История языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 326—327.

⁵ «Французский Целляриус» (в первом изд., М., 1769), см.: Сопиков, ук. соч., ч. II, № 5929; С. К. Булич, ук. соч., стр. 351.

⁶ Опыт нового российского правописания. Утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. СПб., 1773 (Сопиков, ук. соч., ч. IV, № 7846).

образцы разговоров». Но Дидро учился не только русской устной речи: он изучал учебник Шарпантье и другие названные издания для того, чтобы иметь возможность читать русские книги. Следы такого чтения имеются, например, на экземпляре комедии Сумарокова «Ядовитый» (СПб., 1768) и в особенности на экземпляре трагедии того же Сумарокова «Хорев» (СПб., 1768). Из других данных видно, что, имея под рукой русские книги, Дидро вчитывался в русский текст, искал наилучшего перевода для отдельных русских слов: так, в передаче заглавия комедии Екатерины II «Госпожа Вестникова с семьей» он перевел на французский язык также фамилию героини, конечно с умыслом, вполне оправданным, — «La femme Nouvelliste avec sa famille», а на обороте другой комедии того же автора, «Именины госпожи Ворчалкиной», сделал то же, но добиваясь наибольшей точности передачи, — «La femme boudeuse ou la grondeuse»: значение слова «boudeuse» (недовольная, надувшаяся) отстоит гораздо дальше от соответствующего русского слова, положенного в основу фамилии Ворчалкиной, чем найденное им в конце концов более точное слово «grondeuse».

Все эти факты являются примечательными, в особенности если мы сравним с ними довольно безразличное отношение к русскому языку Вольтера¹ или хотя бы Бернарден де Сен-Пьера, пробывшего в России четыре года и не оставившего в своих сочинениях никаких следов знакомства с русским языком или попыток его усвоения.¹

Проблема своеобразия национального языка не явилась ни для Вольтера, ни для большинства его французских современников решающей для того, чтобы они не считали себя компетентными высказывать свободные критические суждения обо всяком иноземном, в том числе и русском произведении художественного слова. Для Вольтера и французских писателей его времени, как мне уже приходилось подчеркивать,² достаточно было и того, что в переводах произведения русских писателей могли уже представлять общий интерес, критики не нуждались в оригиналах и лишь в редких случаях допускали некоторую возможную неполноту восприятия оригинала через посредство переведенного текста. Корни такого заблуждения — в нормативном характере эстетики французского классицизма и в убеждения французских ценителей литературы относительно богатства оттенков французской речи. Дидро противостоял Вольтеру и в этом отношении, — и своей эстетикой, материалистической в своей основе, и своей тонкой и своеобразной теорией языка.³

¹ М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века, стр. 33, 39—40.

² Если не считать имени русской героини «Petiovna» в написанной Барнардом де Сен-Пьером около 1775 г. драме „Empsail et Zo.aide“ или ряда географических названий, большую часть искаженных, в его „Observations sur la Russie“.

³ М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII в., стр. 40—41.

⁴ Вопросы языкознания в постановке и решении Дидро вовсе не изучены, что констатируют и зарубежные исследователи, например: Н. J. Hunt. Diderot as „gram-“

Напомним уже приводившийся выше отзыв Дидро о «Русской истории» Ломоносова, прошедшей через два последовательных перевода — немецкий и французский: Дидро с первых же строк своей рецензии счел необходимым оговориться, что у него не может быть ясного представления о подлиннике. Еще яснее высказывается он по этому же вопросу в замечаниях, посланных Екатерине II по поводу ее комедии «О, время!», которую он получил во французском переводе Леклерка; ¹ если при этом Дидро догадывался, что на этот раз случай стал еще более сложным, и что можно было говорить не только о плохом переводе комедии на французский язык, но и о том, что она до напечатания своего на русском языке прошла предварительно не авторскую русскую редакцию, то его замечания можно считать сознательно нетактичными по отношению к сиятельному автору: «во всем чувствуется слабый переводчик, он растягивает и утяжеляет слог; зачастую, устраняя выражение, которое, быть может действительно не подходит для нашего языка, он устраняет ценнейшее — оригинальность, утрачивает слово, заставляющее смеяться комическую силу». Дидро заканчивает свой отзыв словами, которые не могли не обидеть Екатерину II: «Каким сильным должен быть поэт, чтобы выдержать такое испытание; какой непоправимый вред наносит ему тот, кто его переводит! Зло может быть исправлено только теми, кто одинаково хорошо знает оба языка». ² О том же, что именно требуется для «хорошего усвоения языка», — своего и чужих, — Дидро писал Екатерине II в особой записке. ¹ С точки зрения Дидро, национальный язык — один из решающих факторов литературного произведения, вне его — произведение неполноценно, утрачивает часть своего существа, становится «чужим», «неоригинальным».

Естественны отсюда и собственные попытки Дидро — ознакомиться с «существом» русской литературы, не затемненной и не испорченной чьим-либо посредством, — с произведениями русских писателей в подлинниках. Было бы весьма интересно узнать, как далеко шли и эти

marien-philosophe. The Modern Language Review, 1938, april, стр. 2p5—233), к сожалению, вовсе не привлекающие для этой цели „Русские записки“, Дидро заключающие ценнейший материал (Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 215, 222 и др.).

¹ Французский перевод этой комедии, бывший в руках Дидро, был издан лишь в 1826 г. по рукописи XVIII в., сообщенной парижскому обществу библиофилов племянником переводчика (умершего в 1798 г.). Издатели находили, что перевод не вполне удовлетворяет строгим требованиям французского языка, но сохранили все его погрешности как имеющие «местный колорит». Сопоставление этого перевода с русским печатным подлинником комедии «О, время!» привело М. И. Сукомлинова к убеждению, что перевод неточен и допускает намеренные отклонения от подлинника: некоторые явления слиты одно с другим... пропущены некоторые рассуждения и черты, имеющие значение для русских читателей» (История Российской Академии, вып. 5, СПб., 1880, стр. 118—120).

² Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 110—113.

¹ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 160.

попытки, и степень действительного знакомства Дидро с русским языком, но даже в том случае, если — как мы предполагаем, — и то и другое усилия Дидро не были очень значительными, факт остается фактом: Дидро должен был знать русскую литературу более основательно, чем его французские современники. То же подтверждает и собранная им библиотечка русских книг.

Вглядываясь в перечень этих книг, составленный Дидро и особенно перелистывая самые эти книги, определенные более точно разысканиями Ж. Порше, мы можем также убедиться и в том, что в принципе отбора этих книг не было никакой случайности. Весьма вероятно участие и помощь в этом деле какого-либо постоянного русского советника Дидро, скорее всего (как об этом догадывался и Ж. Порше) Алексея Васильевича Нарышкина,² — в свое время депутата комиссии по составлению нового уложения, бывшего русского посланника при Сардынском дворе, поэта и литератора: он был спутником Дидро по дороге из Гааги в Петербург и именно у него на квартире Дидро жил вплоть до своего отъезда из столицы. Тем не менее помощи русских друзей и в изучении русского языка и в покупке необходимых русских книг Дидро не могло быть достаточно: он привык иметь свой взгляд на вещи и вырабатывать его собственным трудом. Русская литература интересовала его не только как показатель уровня русской культуры, как это было у Вольтера, но и как отображение русской действительности, которую он изучал так настойчиво и всесторонне, и как рупор идейных движений русского общества, и как замкнутая в себе эстетическая система.

Если Вольтеру интересны были прежде всего гладкие французские стихи русских вельмож, «европейская» образованность русских аристократов, то Дидро именно это казалось всего менее достойным любопытства. «Те русские, которые путешествовали, — писал он однажды, — привезли на свою родину лишь безумства народов, среди которых они проезжали, а вовсе не их мудрость; все их пороки и ни одной из их добродетелей».¹ Французский язык, на котором говорили при русском дворе, мог представлять для Дидро некоторые удобства, но никак не средство для познания русского общества и всей суммы его интересов; не случайно поэтому, что Дидро, как мы увидим ниже, с особой похвалой отзывался о той русской комедии, в которой предавалась осмеянию «французомания» в нравах и языке. Дидро нигде не говорит о французских стихотворных опытах русских аристократов его времени, нигде не склонны считать их произведениями «русской музыки» (какими стичал их Воль-

² Ж. Порше (там же, стр. 136) указывает также, что «на ряде книг, вывезенных Дидро из России, мы встречаем надписи двух братьев А. В. Нарышкина — Семена и Василия, из коих первый, по крайней мере, жил со своей женой на той же квартире, следовательно книги эти были из их библиотеки».

¹ E. Car o. La fin du dix-huitième siècle, vol. I. Paris, 1880, стр. 330. — D. Mohr e-nschildt, ук. соч., стр., 82.

тер): его интересовали только русские стихи, резкий, отчетливый национальный отпечаток в них. Русский народ интересовал Дидро сильнее, чем окружавшая его самого кучка аристократов и тем более императрица иноземного происхождения; он досадовал на то, что безотлучно прожил в Петербурге: этого было недостаточно для настоящего познания России. «Я не видел ее — признавался Дидро в письме к м-ме Неккер... Петербург — это всего лишь двор, бессвязная смесь дворцов и изб, больших бар, окруженных мужиками (de moujicks) и поставщиками».¹ Подлинная «мужицкая» Россия начиналась для Дидро далеко за пределами этого города и ее-то судьба и представляла для Дидро наибольший интерес. Недаром в самый разгар пугачевского восстания Дидро мог предлагать Екатерине II множество вопросов о русском крестьянстве, о «его собственности и правах» и, среди них, например, следующий: «Не приводит ли лишение крестьян права собственности к дурным последствиям?» Не случайно, конечно, несколько страниц «Записок» Е. Р. Дашковой посвящены изложению ее спора с Дидро о «рабстве наших крестьян», и в такой же мере, вероятно, закономерно и то, что мы находим имя Дидро в одном из черновых планов «Капитанской дочки» Пушкина («Орлов едет просить Екатерину — Орлов — Дидерот — Казнь Пугачева».² Можно к этому прибавить еще один примечательный факт: среди русских книг Дидро нашелся отдельный оттиск манифеста Екатерины II по поводу восстания Пугачева от 24 декабря 1773 г., переплетенный вместе снесколькими одами Сумарокова в честь императрицы и учебником русского языка Шарпантье!

Достаточно вспомнить хотя бы некоторые положения эстетики Дидро, чтобы понять, что в начале 70-х годов могло представлять для него интерес в русской художественной литературе. Она должна была быть национальна и своеобразна в своем языковом облике и в своем содержании, но этого было недостаточно. Один из создателей буржуазной реалистической эстетики XVIII в. в период революционного подъема французской буржуазии, Дидро никогда не забывал о важнейших идеологических, просветительских функциях искусства; проповедник реалистического искусства, он требовал и соответствия произведения действительности, и типизации ее явлений и страстности в утверждении гражданственных истин и пафоса в отрицании порока. Деятелям искусства Дидро предлагал «прославлять, увековечивать великие и благородные дела, воздавать почтение

¹ Примечательны и дальнейшие строки того же письма, писанного в сентябре 1774 г., так как они образно обобщают действительное отношение Дидро и к Екатерине II и к самодержавному строю: «Тихонько я поклянусь Вам, что наши философы, которые кажется хорошо узнали деспотизм, видели его лишь через горлышко бутылки. Какая разница между тигром, изображенным на картине Удри, и между тигром в его десь!» (Е. Са о, ук. соч., I, стр. 331—332).

² Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 393.

³ «Литературное наследство», 1934, № 16—18, стр. 451.

несчастной и оклеветанной добродетели, клеймить счастливых и всеми почитаемый порок, ужасать тиранов», «объяснять правителям и народам, что именно они могут получить от священных проповедников жи...». Любопытно, что в записках Дидро на русские темы разбросано немало мыслей на темы о том, какими должны быть в России поэзия, театр, живопись, — в их конкретных применениях и той или иной воспринимающей среде; таков его проект театральной пьесы для юных воспитанниц смольного института (в которой они «заранее услышат все нелепые речи, которые им придется слышать в светском обществе»,¹ вместо тех пьес (иностранных) которые, по его мнению, «никоим образом не способны пробудить в них чувствительность, склонить их к состраданию, к хорошим поступкам и развить в них добрые нравы»;² таковы драматургические наставления Дидро самой Екатерине II, с готовыми сюжетами пьес, которые могли бы быть написанными, его³ или с указаниями, чего надо было бы требовать от русских «национальных поэтов»⁴ в смысле идейном и с точки зрения качества их искусства. Таковы, наконец, и несколько случайных, на первый взгляд, отзывы Дидро о русских писателях, которые попадают в тех же его сочинениях и в письмах и которые только тогда получают смысл, когда мы их сопоставляем друг с другом на общем фоне его эстетических воззрений. Существенную помощь для такого истолкования взглядов Дидро на русскую литературу оказывают, естественно, и перечни русских книг находившихся у него под руками:

4

Пять месяцев, прожитых Дидро в Петербурге, совпали с периодом оживления в русской литературе, еще не подвергшейся тяжелому давлению со стороны трона. Сатирическая журналистика, правда, была уже на спаде, но всем еще памяты были баталии «Трутня», «Всякой всячины» и «Живописца»; просветительская деятельность Н. И. Новикова была в полном разгаре; в Петербурге действовало несколько литературных кружков, горячо обсуждавших общественные и литературные темы и далеко несогласных между собою во мнениях; в Петербурге жили в то время многие писатели, среди них некоторые, лишь недавно переехавшие из Москвы (например Херасков); наблюдалось заметное оживление и в театральной жизни; новые книги выходили часто и вызывали к себе действительный интерес. Всего этого не мог не заметить любой иностранец-путешественник; тем более это должно было обратить на себя внимание Дидро.

Нужно думать, что свое изучение русской литературы Дидро начал с двух корифеев — Ломоносова и Сумарокова, — о которых споры в рус-

¹ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 97—98.

² Там же, стр. 96.

³ Там же, стр. 111—113.

⁴ Там же, стр. 136.

ских литературных кругах продолжались весьма интенсивно и которые имели и своих исследователей и своих врагов и хулителей. Ломоносов был уже мертв, Сумароков — уж стар и в опале, но все еще продолжал активную творческую деятельность.¹ О Ломоносове, как мы уже указывали, Дидро знал еще во Франции; он воспользовался теперь случаем, чтобы пополнить свои сведения об этом поэте и ученом. В числе книг Ломоносова, приобретенных Дидро в Петербурге, нашлись «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. Книга вторая» (СПб., 1768),¹ «Российская грамматика» (СПб., 1755), «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика» (1748), «Первые основания металлургии или рудных дел» (СПб., 1763) и «Слово похвальное... Петру Великому» (1755), т. е. все пять книг, означенных в списке. То обстоятельство, что среди этих книг оказались издания конца 40-х и середины 50-х годов, может быть свидетельствует об их специальном подборе.

Книг Сумарокова в собрании Дидро оказалось еще больше, но все они преимущественно представлены здесь новыми изданиями, конца 60-х — начала 70-х годов. Очень полно подобраны здесь драматические произведения Сумарокова. Может быть случайностью следует объяснить то, что среди трагедий Сумарокова оказались преимущественно его трагедии на темы из русской истории: «Синав и Трувор», — «Хорев»,² «Ярополк» (все в петербургских изданиях 1768 г.); «Дмитрий самозванец» (6. г.), кроме них также: «Семира» (1768) и «Артистона» (1751); «Пустынный» (1769), опера «Альцеста» (1764), балет «Прибежище добродетели» (1764) и пролог «Новые лавры» (1764). Из комедий Сумарокова в руках Дидро было пять поздних комедий (все в изданиях 1768—1769 гг.): «Три брата совместника», «Нарцисс», «Лихоимец» «Приданое обманом» и «Ядовитый», — последняя со следами чтения Дидро. Трудно сказать, почему из всех этих комедий Дидро выбрал для чтения одну комедию о клеветнике и цинике Герострате, в обобщенном образе которого исследователи узнают черты личного и литературного врага Сумарокова — Ф. А. Эмина.¹

Но не только Сумароков-драматург обильно представлен в собрании Дидро: мы находим здесь три отдельных издания его од (все 1774 г.), «Притчи» в трех частях (СПб., 1762—1764), переплетенные в одном томе,

¹ М. Лонгинов. Последние годы жизни Сумарокова. «Русский архив», 1871, стр. 1637—1711.

¹ В эту книгу вошли следующие произведения Ломоносова: «Слово похвальное... Петру Великому» (имевшееся у Дидро и в отдельном издании), героическая поэма «Петр Великий», «оды», «надписи», идиллия «Полицер» и «Письмо о пользе стекла».

² На этой книге сделан ряд помет чернилами и карандашом (стр. 8, 30, 31, 60), часть — рукою Дидро; очевидно, он читал ее с чьей-либо помощью.

¹ А. Косман (Комедии Сумарокова, «Ученые записки Ленинградского Гос. университета», серия филол. наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 175—176) ограничивает это мнение, усматривая в Герострате черты других современников и врагов Сумарокова.

Рис. 3. Экземпляр «Российской грамматики» Ломоносова, бывший в руках Дидро
(ныне в Национальной библиотеке в Париже).

и его исторический труд «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году» (1768); всего — двадцать сочинений. Это был, конечно, достаточный материал для суждения о русском писателе. Как известно, Дидро оставил такое суждение о Сумарокове в одной из своих записок Екатерине II, — суждение выразительное, хотя краткое и не вполне ясное. Однажды Дидро наставлял русскую императрицу по поводу того, что «государю следует иметь под боком священника и латератора, — предпочтительнее, драматического поэта»; «проповедников не читают, хорошую же комедию или прекрасную трагедию перечитывают десятки раз. Ее можно найти даже в предместьях. Если ваше величество призовете к себе и побеседуете раз-другой с вашим посредственным Сумароковым (*voire mediocre Soumarokoff*), то вам, быть может, удастся сделать из него настоящего человека. Если же он все-таки останется прежним, то эта милость разбудит какого-нибудь другого одаренного человека, который станет проповедовать, громко проповедовать свое евангелие».¹ Ни один из комментаторов не раскрывает нам с достаточной ясностью, что Дидро хочет сказать; Турне органичивается справкой для французских читателей о том, «Кто такой Сумароков», П. И. Люблинский в русском «Собрании сочинений» Дидро 1947 г. дает аналогичную справку и напоминает, что «незадолго до приезда Дидро в Петербург Сумароков навлек на себя неудовольствие Екатерины постановкой «Синеус (?) и Трувор».² Все это нисколько не поясняет нам, что думал о Сумарокове Дидро, почему он называет его «посредственным», почему он советует Екатерине дать Сумарокову тему для поэмы, а не для трагедии, и что означает его предположение, что Сумароков может остаться «прежним». Ясно лишь одно, что отзыв Дидро носит отрицательный характер. Сумароков Дидро не нравился: в его трагедиях и комедиях было то, что претило ему. С подобной поэтикой Дидро боролся и на своей родине. Характерно, что Дидро написал французский перевод заглавия на шмуц-тителе лишь одной трагедии Сумарокова — «Дмитрий Самозванец» (1771), которая в особенности должна была привлечь его внимание и своим русским историческим сюжетом с картинами восстания против царя-тирана и теми политическими толками, которые она вызвала при дворе.³ В конце этого издания, находится ответное письмо Вольтера Сумарокову от 26 февраля 1769 г. Мог ли Дидро не знать о поводах, в результате которых возник этот обмен письмами между русским и французским драматургами? Мог ли он сочувствовать литературным позициям Сумарокова, о которых разумеется оповещен был в Петербурге?

¹ M. Tourneux. Diderot et Catherine II, стр. 300—301. — Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 135.

² Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 524.

³ В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Политические идеи русской классической трагедии. Сб. «О театре», М.—Л., 1940, стр. 110—115. — С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.—Л., 1948, стр. 44.

Думается, что оценка Сумарокова, данная ему Дидро, не могла не быть весьма сдержанной, хотя он, очевидно, не вовсе отрицал его заслуги и способности, признавал что при желании из него можно сделать «настоящего человека».

В особую группу в своем перечне русских книг Дидро выделил сочинения В. И. Майкова, в четырех книгах, из них две в переплете. Ж. Порше удалось обнаружить в Национальной библиотеке лишь одну книгу из тех, которые Дидро имел в виду. В ней в одном переплете объединены четыре отдельных издания. Томик открывается поэмой Майкова: «Елисей или раздраженный Вах», (СПб., б. г.), т. е. первым изданием этой поэмы, появившимся в ноябре 1771 г.¹ (на обороте шмуцтитула заглавие по-французски, может быть рукою С. В. Нарышкина: «Elisséi, poëme de M-r Maikoff»); далее идут: «Разные стихотворения Василья Майкова. Книга первая» (СПб., б. г.) и его же «Оды торжественные... книга вторая» (СПб., б. г.), — два небольших поэтических сборника, вышедшие в конце 1773 г., как это видно из объявления «Санкт-Петербургских ведомостей»,² т. е. в момент пребывания Дидро в Петербурге; первый из этих сборников занят переложением псалмов, и они-то вероятно, и названы Дидро «философическими одами». Едва ли оды Майкова представляли для Дидро какой-либо интерес, но он безусловно интересовался творчеством Майкова, и, вероятно, прежде всего его «Елисеем». Именно после издания этой поэмы о зимогорском ямщике Майков, живя в Петербурге, пользовался здесь значительной популярностью; споры и кривотолки о его поэме, понравившейся одним и вызвавшей резкое осуждение других, не прекращались. Отзвуки этих споров должны были дойти и до Дидро; так именно можно истолковать несколько сохранившихся свидетельств по этому поводу.

Одно из них принадлежит П. А. Вяземскому. В своей книге о Фонвизине Вяземский говорит, не указывая на свой источник (вероятнее всего он основывался на устном предании) об особом интересе Дидро к Майкову как к национально-своеобразному писателю, ничем не обязанному в своем творчестве иноземным поэтическим образцам. Правда, сам не чувствуя к Майкову-поэту никакого расположения, Вяземский, видимо, осуждает не только выбор Дидро, но даже мотивы его любопытства: «Едва ли был прав Дидерот, по крайней мере в общем применении, когда на обеде петербургских литераторов у графа Григория Григорьевича Орлова говорил он через переводчика Майкову, не знавшему никакого иностранного языка, что особенно его сочинения ждал бы он прочесть, ибо они должны быть чисто творческие, без всякой примеси общих форм и понятий».¹

¹ В. И. Майков. Сочинения и переводы, СПб., 1867, стр. 563. — Сопиков, ук. соч., ч. IV, № 8660.

² В. И. Майков, Сочинения и переводы, стр. 565, 573.

¹ П. А. Вяземский. Фонвизин (1848). Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 90. На этом свидетельстве Вяземского (не ссылаясь на него) несомненно основывался и Н. Булич (Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, стр. 64),

⁴ Русская литература и запад

Никаких других известий об этом литературном обеде в честь Дидро в Петербурге конца 1773 или начала 1774 г., к сожалению, не сохранилось, — ни в сочинениях и письмах Дидро, ни в аналогичных русских источниках. Лишь в журнале «Телескоп» мы натолкнулись на несколько строк, вероятно относящихся к этому же случаю. «Назад тому несколько десятков лет Дидерот просил для редкости перевести ему несколько стихов из Майкова... самородного русского поэта, дабы видеть, такой ли механизм мыслей и чувствований у нас, северных гиперборейцев, как у прочих жителей земного шара...». «Ныне, хотя человечество наше и не подвергается сомнению, но не худо изредка напоминать о нем».¹ Легко видеть, что эта заметка носит полемический характер, что она направлена против высокомерных отзывов иностранцев о русской литературе и что попавшее в нее известие о Дидро совершенно случайно; тем не менее мы думаем, что оба свидетельства восходят к одному событию, искажая его в передаче, и что Вяземский точнее передает его, чем автор заметки в «Телескопе». В самом деле, задача Дидро заключалась вовсе не в том, чтобы определить, похожи ли стихи Майкова на французские, а именно в обратном — в установлении различия между ними, в определении своеобразия Майкова, этого «самородного» поэта; он надеялся, что стихи Майкова должны быть «чисто творческие, без всякой примеси общих форм и понятий», т. е. созданы вне всяких иностранных воздействий.

Любопытно, что некоторые современные Майкову петербургские литераторы упрекали его именно за то, что вызвало к нему любопытство Дидро. Майков в период своей петербургской жизни был близок к Н. И. Новикову и к М. М. Хераскову и, можно думать, что именно из этого лагеря дошли до Дидро как рекомендация русской «самобытности» Майкова, так и освещение многих других событий современной ему русской литературной жизни. М. Д. Чулков, полемизировавший с журналами Новикова и являвшийся ярким литературным противником Майкова, высмеивал его, заставляя произносить следующий, например, монолог:

Латынский мне язык и русский не известен,
Других не знаю я, а прочих не учил;
Однако, лишь перо в чернила омочил,
То вздумал о себе, что есть во мне примета
Такая, что мне быть учителем полсвета, —
Так должно ли ж в чем последовать кому?
Я дал свободный путь пространному уму...

впрочем, еще более усиливая его осуждение любопытства Дидро: «Знаменитый Дидро, бывший в 1773 г. в Петербурге, думал видеть в Майкове писателя оригинального, потому что последний не был знаком с иностранными языками. Навыный философ не знал, что такая оригинальность — мнимая» и т. д.

¹ «Телескоп», ч. II, 1831, № 8, апрель, стр. 545.

² В. И. Майков. Сочинения и переводы, стр. XXXII. — А. В. Западков. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо». «XVIII в.», сб. 2, Л., 1940, стр. 109.

До Дидро несомненно дошли споры о поэме Майкова «Елисей» — с ее героем-ямщиком, с ее сочным местным колоритом, с ее гротескными жанровыми эпизодами из жизни петербургского мещанства и преступного мира, — в «рабочем доме», тюрьме, кабаке. Эта грубоватая поэма, опиравшаяся, впрочем, на живые источники народного юмора, не лишенная меткой наблюдательности и сатирической остроты, была для своего времени действительным отрешением от условных литературных требований и своего рода вызовом господствующим салонным вкусам. Но это-то и определяло любопытство Дидро и к ней и может быть к «басням» и «сказкам» Майкова (также тяготеющим к народно-повествовательной и «лубочной» стихии), как к произведениям, действительно имеющим яркий национальный отпечаток. В русской литературе Дидро надеялся найти средство к познанию подлинной России, выход на большой простор народной жизни из той тесной придворно-аристократической сферы, в которой замыкали его кабинет императрицы и стены нарышкинского дома. Так именно толкуем мы его интерес к Майкову, случайно засвидетельствованный, но безусловно достоверный. Новым и немаловажным подтверждением его внимания к произведениям Майкова может служить теперь также экземпляр «Елисея», бывший в руках Дидро.

Как уже было отмечено выше, не все сочинения Майкова, которыми располагал Дидро, сохранились в Национальной библиотеке. Составленный Дидро перечень, в разделе, относящемся к Майкову, упоминает еще «комедию и трагедию»; однако неясно, что он мог иметь в виду; что касается трагедий Майкова, то ни одна из них не была издана до 1775 г.;¹ относительно же «комедии» можно сделать лишь одно более или менее правдоподобное предположение, что Дидро приписал авторству Майкова комедию, принадлежащую другому русскому писателю. Действительно, в том же переплете, где объединены «Елисей» и две книжечки од Майкова, находилось еще и четвертое сочинение: «Так и должно быть, комедия в пяти действиях» (М., 1773). Автор на титульном листе книги не обозначен, но мы знаем, что им был М. И. Вережкин. Как бы мы не решали вопрос о том, знал ли Дидро о действительном авторе или смешал его с Майковым, то нахождение именно этой пьесы среди книг Дидро представляет особый интерес. Дело в том, что комедия М. И. Вережкина — его первое драматическое произведение (что и делает вероятным незнакомство Дидро или его русских собеседников с еще малоизвестным «анонимом»), представляющее немаловажный этап в истории русской драматургии и уже издавна связывающееся исследователями именно с драматургическими тео-

¹ Трагедия Майкова «Агриппа», представленная в первый раз в придворном театре в 1769 г., была издана лишь в 1775 г., т. е. уже после отъезда Дидро из России; трагедия «Фемист и Иеронима» готовилась к постановке в 1773 г., но представлена не была и также опубликована лишь в 1775 г.

риями и эстетикой Дидро.¹ Это — «слезная комедия» из русских нравов, комедия нового типа, предметом которой являются «добродетель и обязанности человека»; к тому же, это довольно правдивая картина русских провинциальных нравов, жизненность которой подтверждена была современниками. Еще Державин был высокого мнения об этой пьесе и находил, что она «точно описывает» «подъячих крючкотворцев»,² — Урывая Алтыникова, верного слугу воеводы Протазана Безщотного; образ старозаветной помещицы Афросиньи Сысоевой многим напоминает героиню комедий Фонвизина. Если Дидро знал о содержании этой пьесы Веревкина, то она, конечно, должна была очень заинтересовать его и своей реалистической документальностью и своим построением и своей основной задачей, — продемонстрировать «отличные действия добродетели», столь близкой его собственным задачам как драматурга и театрального критика. Вот почему появление экземпляра этой комедии в числе русских книг Дидро едва ли можно объяснить случайностью.

Вопросы драматургии и театра продолжали интересовать Дидро во время его жизни в Петербурге не менее, чем раньше (вспомним, что его «Парадокс об актере» написан в 1773 г.) и ничуть не в меньшей степени, чем русские бурескные поэмы или «философические оды» русских поэтов. Драматургия в его глазах была одним из основных и самых действенных жанров просветительской литературы. Проблемы театральной жизни составляют особый раздел в его записках, направлявшихся Екатерине II; она, в свою очередь, посылала ему на отзыв свои комедии,¹ приглашала на школьные спектакли смолянок, давая ему лишние поводы для присылки ей серьезных наставлений о значении театра в общей системе воспитания. Дидро, как мы видели, читал пьесы Сумарокова и приобрел их в большом количестве, заинтересовался комедией Веревкина. В особенности любопытно, что Дидро сам засвидетельствовал свой интерес еще к одному русскому драматургу — Фонвизину. Дидро упоминает его именно в одной из тех записок к Екатерине II, где идет речь, какими должны быть пьесы, если они хотят достигнуть цели и о решающем значении их «качеств». «Мне говорили, — продолжает Дидро, об одном из ваших подданных, по фамилии, кажется, Визин (*appelé Visen, je crois*); мне сказали, что он хорошо знает нацию, ее нравы и обладает живостью и веселостью». ² Не подлежит сомнению что Дидро говорит здесь не только о Фонвизине, но именно о Фонвизине-драматурге: за это ручается весь контекст этой его

¹ Н. М. Тупиков. М. И. Веревкин. СПб., 1895. — Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1945, стр. 217—218.

² Г. Р. Державин, Полное собрание сочинений, ред. Я. К. Грота, т. III, стр. 726.

¹ В своем списке Дидро отметил четыре комедии Екатерины II; из них сохранилось только две: «Госпожа Вестникова с семьей» и «Имянины г-жи Ворчалкиной».

² Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 93; французский оригинал: М. Топи-левих, Diderot et Catherine II. Paris, 1899, стр. 408.

записки (озаглавленной издателями: «Проект театральной пьесы»). Единственным произведением молодого Фонвизина, которое могли иметь в виду русские собеседники Дидро, является его комедия «Бригадир», еще в то время ненапечатанная: тем примечательнее осведомленность Дидро и его критическое чутье; на основании устных рассказов о молодом писателе и о его пьесе он проникательно определил значение будущего автора «Недоросля», если решился указать на него в записке, посланной сиятельной собеседнице, как на драматурга, в особенности подающего надежды. Сильное впечатление, которое эта ранняя комедия Фонвизина, написанная в 1769 г.,¹ оставила у его современников, слышавших ее в мастерском чтении автора, помнится еще в 1773 г., когда впечатление это передано было Дидро. Очевидно, он знал также и о задачах, которые ставил перед собой Фонвизин, о теме комедии и ее действующих лицах, если он, вслед за своими русскими друзьями мог говорить о ее «живости и веселости» и о том, что Фонвизин знает русские нравы. Дидро не смутило при этом, что в «Бригадире» осмеиваются «офранцузенные» щеголи и кокетки: верность действительности, жизненность сатирической задачи, просветительский дидактизм, своеобразный национальный русский колорит, повидному, являлись, с точки зрения Дидро, важнейшими и наиболее ценными качествами пьесы.

Последнюю замкнутую в себе группу книг в перечне Дидро составляют творения М. М. Хераскова. Они представлены были в собрании Дидро довольно обильно — шестью книгами; из них сохранилась одна в переплете: «Нума или процветающий Рим» в московском издании 1768 г. (на обороте шмуцтитула не рукою Дидро, но кого-либо из Нарышкиных, заглавие повторено по-французски: «Numa ou Rome florissante, par M. M. Heraskoff»); остальные пять до нас не дошли, и о них можно догадываться лишь по краткому указанию в списке: здесь были «Чесмесский бой», «оды» и «трагедии». Наличие всех этих изданий в русской библиотеке Дидро вполне естественно: в начале 70-х годов, оставив службу при Московском университете и переселившись в Петербург, М. М. Херасков входил здесь в славу как новое светило русской поэзии и был центром того литературного кружка, который издавал собственный журнал («Вечера», 1772—1773). Дидро не мог не знать этого плодовитого писателя, характерного представителя русского дворянского либерализма конца 60-х — начала 70-х годов, соединявшего со своим несколько отвлеченным свободолобием антицерковные настроения и приверженность к чистому «разуму»; очень вероятно, что Дидро мог иметь с Херасковым и личные

¹ В датировке пьесы принимаем новейшие разъяснения П. Н. Беркова в статье «К хронологии произведений Фонвизина. «Бригадир» («Научный бюллетень» Ленинградского Гос. университета, 1946, № 13, стр. 33, 36). Несомненно, что именно в 1769 г. Фонвизин с огромным успехом читал свою комедию в Петербурге, в придворных и аристократических кругах, в частности в Петергофском Эрмитаже, в присутствии Екатерины II.

встречи. Прозаический политико-просветительский роман Хераскова «Нума или процветающий Рим» мог возбудить любопытство Дидро как яркий документ русского «просветительства» и в то же время как политическая программа легальной дворянской оппозиции престолу.¹ Какие книги Хераскова скрыты за обобщающим определением списка «оды», установить затруднительно (может быть «Новые оды» издания 1762 г. или «Философические оды или песни» издания 1769 г.); так же как трудно в настоящее время дознаться, какими «трагедиями» Хераскова Дидро располагал, — трагедиями ли из русской истории, написанными вслед Сумарокову, или же «Венецианской монахиней» (1758), напечатанной Херасковым еще до того, как Дидро написал свою «Монахиню» (1761), родственную ей по сюжету и по антицерковным настроениям; еще более, вероятно, что среди «трагедий» Хераскова у Дидро должна была быть его «слезная драма» «Друг несчастных» (1771) из жизни бедного, но добродетельного художника; у Дидро были все основания интересоваться русскими опытами в том драматическом жанре, развитию которого он сам столь сильно содействовал и который «посредственный» в его глазах драматург Сумароков в том же 1771 г. провозгласил «новым и пакостным родом». Среди книг Хераскова в руках Дидро была еще одна поэма «Чесмесский бой», изданная в 1771 г. и признавая современниками выдающимся поэтическим произведением. В Национальной библиотеке Ж. Порше не нашел этой книги в числе других, некогда принадлежавших Дидро. В связи с этим позволительно высказать догадку, которая представила бы известный интерес, если бы она подтвердилась: книга, которую Дидро продал библиотеке, была не русская, а французская, хотя и издана в Петербурге. В 1772 г. в Петербурге отдельным изданием вышел французский перевод «Чесмесского боя» и заглавие его совпадает с тем, которое приведено в списке Дидро.¹ Особое значение этому французскому изданию поэмы Хераскова, придает, как известно, то, что самому тексту поэмы здесь предпослано «Рассуждение о стихотворстве российском» («Discours sur la poésie russe») Хераскова, неизвестное в русском оригинале.² Если, как мы предполагаем, именно это издание было у Дидро, то из «Рассуждения» он мог извлечь немало данных для истории русской поэзии и для характеристики ее современного состояния, изложенных и объясненных одним из видных деятелей русской литературы.

¹ М. В. Черняев. Политико-дидактический роман М. М. Хераскова. «Наук. зап. Харьк. держ. педагог. институту», т. VII (Харьков), 1941, стр. 99—119.

¹ Le combat de Tzesme. Poème en cinq chants, avec un discours sur la poésie russe, composées par M. Cheraskoff. Traduit du Russe en Français, M. DCCLXXII. — Обращает на себя внимание слово „combat“, вместо которого могло стоять и другое (la bataille...).

² П. Н. Берков. «Рассуждение о Российском стихотворстве». Неизвестная статья М. М. Хераскова. «Литературное наследство», 1935, № 9—10, стр. 287—294; сб. «XVIII век», Л., 1935, стр. 366—370.

Рис. 4. Экземпляр «Опыты исторического словаря о российских писателях» Н. Новикова, бывший в руках Дидро (ныне в Национальной библиотеке в Париже).

Несколько десятков книг на русском языке, собранных Дидро, не могли не обеспечить его интереса к русской литературной истории. Поэтому для нас очень существенно, что среди этих книг, во всяком случае, имелась и дошла до нас другая книга, на русском языке, в которой при желании можно было почерпнуть подробные данные о русских писателях старого и нового времени, но в еще большем количестве, чем у Хераскова. В списке эта книга обозначена очень неточно: «*Essai historique sur les auteurs et traducteurs russes, jusqu'en 1773*»), на деле это оказался известный «Опыт исторического словаря о российских писателях» Николая Новикова (СПб., 1772, XII 264 стр.).

Словарь Новикова завершает в списке Дидро отдел «*Belles Lettres*», являясь естественным концом этого систематического перечня.¹ Что перед нами не просто беспорядочный список книг, случайно попадавших Дидро под руку во время составления им описи, но перечень, имевший определенную систему, — видно с первого взгляда. Дидро расположил свои книги не по годам их выхода в свет, но по писателям, отчетливо представляя себе хронологию их литературной деятельности и как бы внутреннюю закономерность их следования друг за другом. Если бы Дидро написал очерк истории русской литературы, он должен был бы назвать этих писателей в том же самом порядке. Это лишний раз убеждает нас в том, что с русской литературой Дидро познакомился вполне основательно, как и со всем тем, что его интересовало в России. Действительно, как ни скудны разрозненные данные об этом, имеющиеся в нашем распоряжении, но подкрепленные изучением перечня они сами собою складываются в довольно отчетливую картину.

Дидро хорошо знал Ломоносова, ясно представляя себе и его многогранность и все основные уклоны его ученой и литературной активности во всех основных ее областях, до металлургии включительно. Основательное изучение Сумарокова не приблизило писателя к вкусам Дидро, и впечатление осталось отрицательным. В споре о превосходствах Ломоносова и Сумарокова, которые, очевидно, дошли до Дидро, он был на стороне первого и осудил второго. Из «сумароковской школы» он больше всего заинтересовался Майковым, ища у него проявлений самобытности и национального своеобразия; Дидро угадал эти черты у молодого Фонвизина. Он знал, наконец, Хераскова и мог представлять себе не только прошлое русской литературы, но и ее будущее. Радищева, разумеется, Дидро еще не мог знать, но примечательно, что в тот самый год, когда Дидро жил в Петербурге и над собранными им русскими книгами задумывался и о судьбах России, и о русском крестьянстве, и о русских писателях, Радищев уже деятельно работал как переводчик, выпустив «*Размышления о греческой*

¹ Ранее в этом же отделе упомянуты еще «*Квинта Курция История о Александре Великом*» в переводе С. Крашенинникова (2 тома, 1762, 1768) и «*Les oeuvres de Tediakowski*» (sic!), т. е. «Три рассуждения о главнейших древностях российских» Тредьяковского (СПб., 1773).

истории» Мабли о определением «самодержавства» (деспотизма) как «наипротивнейшего человеческого естеству состояния» и уже, вероятно, был автором анонимного «отрывка из путешествия» в новиковском «Живописце» (1772), с его, впервые с такой силой написанной, жестокой картиной ужасов крепостничества...

Дидро не обобщил своих наблюдений, не дал нам связных характеристик и записей своих литературных впечатлений, вывезенных из России, но мы вправе думать, что он более чем кто-либо другой из его французских современников мог оценить в русской литературе ее зреющие прогрессивные силы, ее еще не раскрывшиеся богатства. И это могло произойти прежде всего потому, что принадлежали, по словам Энгельса к числу «великих мужей, подготовивших во Францию умы для восприятия грядущей могучей революции».¹ Дидро и за пределами своего отечества мог быть трезвым и чутким наблюдателем всего того, что, в конечном счете, должно было притти на смену отживающему «старому порядку», феодально-абсолютитской системе. Отсюда — ненависть Дидро к русским формам крепостничества и к русскому варианту «просвещенного» деспотизма; но отсюда также его интерес к русскому народу, к русскому крестьянству, неожиданная на первый взгляд для француза XVIII в. любовь к русской национальной песне.² Вера Дидро в русский народ была непоколебима: «Признаюсь, — писал Дидро, — я был бы в восторге, узнав, что моя родина в союзе с Россией...».³ А в одном из своих писем (октябрь 1773 г.) он выражал уверенность в том, что в будущем Россия (la nation russe) «станет одной из наиболее честных, одной из наиболее мудрых и одной из наиболее грозных стран Европы и мира». («une des plus honnêtes, une des plus sages, et une des plus redoutables contrées de l'Europe, du monde».)⁴

¹ Ф. Энгельс. Вариант введения к «Анти-Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 357.

² Об этом мы знаем из письма Дидро к Р. Дашковой, из его просьбы к Бородинской доставить ему в Париж русские народные песни-песни с русским текстом (avec des paroles russes, écrites au dessous) и аккомпаниментом. „Русск. вестник“, 1866, № 7, стр. 137; В. Михневич. Исторические этюды русской жизни, т. I, СПб., 1879, стр. 281; Н. Троншон. Romantisme et préromantisme. Paris, 1933, стр. 266.

³ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 90.

⁴ Diderot. Correspondance inédite, publ. par A. Bibelon, vol. II, Paris, 1931, стр. 248.